
ФОРМЫ СЕКСИЗМА: НЕОЖИДАННЫЙ ПОВОРОТ СОВРЕМЕННОСТИ

М.Д. Рахманинова

Кафедра философии

Национальный минерально-сырьевой университет «Горный»

21 линия, 2, Санкт-Петербург, Россия, 199106

В настоящей статье приводится исследование темы гендера, его восприятия и интерпретации мужчинами и женщинами в современности. Начало исследования данной темы в ранее опубликованном нами тексте «„М“ и „Ж“: гендерная стратификация как инструмент самосохранения идеологии». В данной статье также проводится анализ других аспектов и проблем, обнаруживающих себя в рамках обозначенной темы — с принципиально нового ракурса. В их числе — аспект восприятия борьбы с сексизмом самими женщинами; взаимосвязь женского и мужского пониманий сексизма и другие.

Ключевые слова: гендер, сексизм, пол, мужчина, женщина, человек.

Не так давно вышла в свет наша статья «„М“ и „Ж“: гендерная стратификация как инструмент самосохранения идеологии» (1). Статья была посвящена доказательству того, что мужчины и женщины, вопреки заверениям господствующей идеологии, — не существа с разных планет, а, прежде всего, люди. И в этом — едины и однородны. И лишь в частностях — существа с половыми признаками — там, где уместна вербализация этих признаков. То есть в межполовых отношениях. И только.

Проявления пола в не половых областях рассматривались в статье как идеологически навязанные, служащие контролю над мышлением индивида путем направления его по безопасному руслу риторики пола (2).

Далее говорилось о том, что вследствие подобного координирования мысли действительно появляются такие неорганические конструкторы, как, к примеру, мужской (мачистский) образ мысли и женская (нелогичная) логика.

Парадоксальность и навязанность этих конструкторов подробно были проанализированы в статье, которая, по сути дела, представляла собой призыв к преодолению такой тоталитарной матрицы симулякров капиталистической системы, как пол. Точнее — диктатура пола.

Однако с момента публикации этой статьи не смолкает совершенно фантастическое изобилие критики и возмущения. Со стороны женщин.

Именно это оказалось сначала особенно поразительным а затем послужило серьезным основанием обратить внимание на некоторые новые симптомы той патологии, призыву к преодолению которой была посвящена статья — на совершенно новые и весьма неожиданные симптомы сексизма.

Их носителями на сей раз выступают сами жертвы сексизма, который они распространяют вокруг себя под видом общественного мнения, но который в действительности является чем-то вроде вируса.

При этом сами они неосознанно являются лишь каналами, по которым этот вирус спускается сверху, носителями и распространителями его.

Так, одним из самых распространенных доводов против антисексистской позиции, представленной в статье, был довод о том, что принуждать женщину быть человеком — женоненавистничество.

Что ж, в сущности, это даже логично. Действительно, констатировать необходимость встречи мужчины и женщины в условной плоскости «человек» означает призывать женщин покинуть замкнутое пространство женскости, в котором так уютно и беззаботно и в котором сведен к приятному минимуму список того, что, как выяснило человечество в ходе своего интеллектуального развития, следует сделать и понять на своем жизненном пути человеку. И именно это сегодня вызывает возмущение и протест.

Вот почему антисексизм женщины сегодня открыто называют женоненавистничеством.

Возможно, отчасти они правы.

Но лишь отчасти. Потому как если речь и идет о женоненавистничестве, то лишь в том смысле, в каком справедливо ненавидеть и считать патологичным любой максимализм, в данном случае — гипертрофию пола, а точнее, гендера. Он — как болезнь — поглощает человеческую личность со всем, что есть в ней антропософского, глубинно-человеческого; он нивелирует ее сущностные свойства, сводит их к тем двум-трем аспектам, которые составляют гендерный функционал (нарядиться—любить—быть любимой—рожать—воспитывать—соответствовать нормам декоративности и привлекательности облика).

Но эта болезнь, эта редукция, как выясняется, так приятны и необременительны для современных женщин, так желанны и вожделенны. И если прежде — в XIX и XX в. женщины отважно сражались за право быть воспринимаемыми как люди (и всячески стремились давать основания к такому восприятию!), то сегодня процент таких энтузиасток рухнул чуть ли не до средневековых показателей. В этом, похоже, и состоит причина, по которой женщинам больше не нужно освобождение: в своих гендерных микромирах им гораздо вольготнее, комфортнее.

А чтобы такое положение вещей не выглядело уж совсем деградацией (каковой оно, безусловно, является), специалистами от системы была подведена под него нарядная квазифилософская псевдомораль о долге человека, который якобы сводится к долгу гендерному: долгу репродуктивности со всеми вытекающими из нее последствиями.

Однако прозрачность этой декорации становится очевидна при первом же взгляде за пределы быта и ангажированности им. Именно там она и кончается. Но власть ее настолько велика, что она с легкостью изолирует женщин от всего остального мира — мира человеческих ценностей и мыслей. Происходит это путем внушения женщинам добровольности такой изоляции. Система этого внушения так могущественна, что большинство женщин действительно искренне подхватывают риторику о ее природной предопределенности и окончательности и даже риторику о том, что если не патологично, то — по крайней мере — излишне выходить за ее пределы, ведь достаточно просто любить, быть любимой и рожать—воспитывать.

Такой взгляд активно подкрепляется мощным дискурсом религии, которая в условиях царящего повсеместно «порока» захватила монополию на все «духовное и чистое», очернив, дискредитировав и исключив все альтернативные варианты духовности и чистоты.

Вследствие этого женщины, которым не очень близок модный образ стервы (кстати, не более модный, чем образ одухотворенной и подчеркнуто добропорядочной женщины), обращаются к тому, что самодовольно и дерзко позиционируют себя как единственную альтернативу повсеместной распушенности и бессмысленности бытия.

И хотя такая монополия попросту безосновательна, системе, конечно, удобнее, если первые же попытки выйти из нее приведут человека к псевдоальтернативе, которая на самом деле будет латентно являться такой же частью системы — просто предусмотренной на случай подобных прозрений и «побегов». А не к реальным альтернативам, зачастую опасным для системы и действующим по совершенно другим принципам и алгоритмам, — альтернативам, которые она тщательно скрывает за своей тотальностью и псевдоистинностью.

С другой стороны, еще одним фактором поддержания культа «золотой клетки» является общепринятость паразитизма, в целом свойственная современному капиталистическому обществу и лежащая в его основе.

Касаясь всех без исключения потребителей продуктов, мнений и прав, логика паразитизма с удовольствием исчерпывающим образом накрыла бы всех — и мужчин и женщин. Но в области гендерного вопроса она наталкивается на краеугольный камень патриархата, согласно которому в обязанность мужчине все же вменяется как минимум работа [1]. А значит, паразитом ему дозволительно быть только на досуге. Потому досуг и становится новым культом.

В обществе, где паразитизм рассматривается не как социальная проблема, а как привилегия, мужчина также начинает расценивать его таким образом. Отсюда — культ лени, расслабления, развлечения. Видя это, женщина осознает, что патриархат можно очень неплохо использовать, и использовать для того, чтобы оказаться в еще более привилегированном (в понимании указанной логики) положении, чем даже сам мужчина. В пример приведу цитату из сети, оставленную какой-то девушкой под постом против сексизма: «а я была бы не против признавать мужской пол сильным — если б меня за это носили на руках, угощали сушами и клубничкой... и обеспечивали бы всю малинку...».

В сущности, такой подчеркнуто покупательский взгляд на вещи даже является не специфически женским, но, скорее, общекапиталистическим.

Женским он является лишь постольку, поскольку женщине этот статус более доступен, чем мужчине — в силу господствующего по-прежнему патриархата, «освобождающего» женщину от необходимости быть человеком, социальным существом. Именно в этом проявляется то обстоятельство, что такая необходимость стала обременительной.

Отсюда возникает вопрос: что может быть страшнее для человечества, чем положение вещей, при котором личность сама радостно редуцирует себя к механизму удовольствия и паразитизма и более не хочет быть человеком в целом? Существовал ли когда-нибудь более надежный инструмент сексизма, чем этот новый — говорящий и защищающий себя устами своих жертв, не подозревающих о том, что они жертвы, рупоры и носители искусно просчитанной идеологической парадигмы?

В самом деле, исходным пунктом такого положения вещей является именно провозглашение идеологии паразитизма, потребительства и комфорта.

Когда люди поверили в это как в новый рай, все они, независимо от пола, стали стремиться к нему. Путь женщины к этому раю при латентном патриархате оказался при этом короче, чем путь мужчины. Так почему же, в самом деле, она должна тогда отказаться от него теперь, когда он так легко достижим?

Естественно, что она будет всячески сопротивляться. Ведь и мужчина, равным образом находясь во власти жажды паразитизма и комфортабельного расслабления, с удовольствием отказался бы от всего, к чему обязывает его патриархат [2]. И в этом он как раз ничем не отличается от женщины — в этом, будучи потребителями и комфортозависимыми существами, они стали едины и однонаправленны.

И именно это послужило причиной того, что в какой-то момент женщина увидела вокруг себя не золотую клетку, стесняющую ее личность, потенциал, самобытность, — но райский уголок, от которого так невыгодно отказываться с точки зрения господствующей системы ценностей. Уголок, в котором так мило и спокойно «просто любить и быть любимой» и воспитывать потомство и где со всем не надо преодолевать свою «природную естественность», так чуждую любому культурному и творческому началу, с неизбежностью требующему труда.

При этом такая «естественность» тоже выглядит крайне сомнительно, главным образом потому, что она отнюдь не естественна, а тоже искусственно создана в специализированных имидж- и фотолабораториях.

Благодаря чему стремление быть привлекательной проявляется в женщине отнюдь не такими способами и не в таких скромных пропорциях, чтобы можно было поверить, будто она действительно просто пытается сохранить открытость для поиска или привлечения того, с кем продолжить род.

Так может показаться лишь тому, кто совершенно не представляет себе, как мощна индустрия, стоящая сегодня за неброским словом «привлекательность», а также тому, кто никогда не пытался мысленно отбросить все то, что лишь маскируется под необходимое условие для выражения сексуальной привлекательности, но без чего она на самом деле все равно непременно состоялась бы.

В действительности искусственно созданный образ на тему «сексуальность» представляет собой, пожалуй, куда большее проявление сексизма, чем его антагонизм — одеяние ортодоксальной мусульманки. В последнем случае мы имеем дело с откровенно патриархальным образом дискриминации по половому признаку. Эту дискриминацию легко установить, а потому становится возможно хотя бы в локальных масштабах отменить или преодолеть. Тогда сразу станет видно, что вот, дескать, имела место дискриминация, а теперь нет.

В первом же случае мы имеем дело с не меньшей дискриминацией, но позиционирующей себя как полное отсутствие таковой и даже напротив — как свобода выбора образа, предоставленная женщине наподобие заслуженного подарка.

Только женщина эта прежде программируется как устройство для удовольствия мужчины, осознающее себя таковым в той или иной мере. И лишь затем выбирающее образ из предложенных — заточенных под эту логику.

Так, увидев видеоролик, приуроченный анархофеминистками к 8-му марта и призывающий женщин вернуть себе человеческое достоинство и перестать быть нарциссичными марионетками индустрии моды и гламура, многие девушки рассердились неимоверно.

Оказалось, что визуальный мир, созданный этой индустрией, и есть то единственное эстетическое измерение реальности, которое они воспринимают и на которое ориентируются, эстетизируя себя. (Выходит, что ошибочно мнение, будто женщины от природы восприимчивее к прекрасному вокруг.)

Само собой, видеоролик был расценен ими как оскорбляющий женщин и мешающий им томно парить в эфемерном пространстве эффектных глэм-вселенных, тщательно обставленных хорошо оплачиваемыми профессионалами, и стремиться хоть капельку вписаться в эти вселенные.

И еще больше их разозлил тот неброский и минимально гендерный образ женщины, который предлагался взамен эффектной и декоративной кукольности, предназначенной в конечном итоге для мужского потребления. Этот образ был расценен как регресс понимания красоты и безвкусица с непонятными и сомнительными смыслами, над которыми совершенно излишне думать, когда можно просто быть красивой и с любимым.

Таким образом, беспрецедентные формы сексизма снизошли в человека именно через механизмы либерального капитализма. Новые пути преодоления этих форм еще не известны, а старые — больше не эффективны. Ведь если в прежние века образцом человека был все-таки некий общегуманитарный человек — мыслящий, действующий, созидательный человек, то теперь его заменили тотально детерминируемые гендером малозадачные устройства, стремящиеся единственно к комфорту и максимальному удовольствию. И к непрерывному самовоспроизводству [3].

Все это — фактически шах эмансипации (причем как женщин, так и мужчин) и всем тем идеалам совместного и индивидуального бытия, до которых когда-либо поднималась человеческая мысль. Шах и провал. В особенности если вспомнить хотя бы храбрых равноправов (3), которые в XIX в. бросали вызов патриархальному общественному мнению и рисковали всем ради того, чтобы добиться возможности получать образование, заниматься наукой и искусством, полемизировать, мыслить, творить и читать (не только французские романы) — иными словами, быть людьми в универсальном смысле этого слова, а не теми, кто хочет просто любить и быть любимыми потому, что, дескать, «нет ничего выше любви» (многозначительно ссылаясь в этом последнем тезисе на какие-нибудь бородатые книги, зная их при этом в лучшем случае из вторых рук, а то и вовсе из желтой прессы).

Поразительно, но именно теперь, в эпоху, на которую было столько надежд у интеллектуалов прошлых веков, общество как никогда далеко от их осуществления [4].

Система переварила все классические возражения несвободе и дискриминации, дискредитировав их или сделав все, чтобы мышление воспринимало их в искаженных и комических формах (4).

Сегодня, под воздействием системы изнутри самих людей общество интенсивно приближается к превращению в безусловно простой для управления и пре-

дельно исправный и тотально индифферентный механизм. И на сей раз — почти всецело добровольно и собственноручно. То есть искренними усилиями мужчин и женщин, из которых оно состоит — а точнее, людей, занятых тем, как это увлекательно — быть мужчиной и женщиной.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Журнал Логосфера. URL: <http://runivers.ru/philosophy/logosphere/58722>
- (2) Например, в таких клише, как «женская логика», «мужской образ мысли» и так далее — то есть в установках, извиняющих грубое бестактное поведение, отсутствие логики. И при этом так, как будто они — не искажение, а природа.
- (3) «Равноправки» — женщины, одними из первых завоевавшие свое право на получение образования. Кто-то проницал в университет на занятия; кто-то создавал кружки, в которых читались лекции по естествознанию, медицине; самые же последовательные и юридически подготовленные добивались открытия негосударственных женских курсов: Лубянских (1869 г.) и Герье (1872 г.) в Москве, Владимирских (1870 г.) и Бестужевских (1878 г.) в Петербурге и подобных им в других крупных городах империи. Однако завершать образование большинство из них были вынуждены за рубежом, где и происходило, кстати сказать, более тесное знакомство российских «равноправок» с идеями западного феминизма. Впрочем, многие выпускницы женских курсов и даже западных университетов по возвращении на родину имели немалые сложности с трудоустройством. Решить эту проблему должно было созданное в 1893 г. по инициативе Н. Стасовой Общество вспоможения окончившим курс наук на высших женских курсах, но и его ресурсов было недостаточно.
- (4) Взять хотя бы распространенный шаблон образа феминистки или вообще любого борца с любыми формами несправедливости.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бовуар С. Прелестные картинки. — СПб.: Издательская группа «Азбука-классика», 2009.
- [2] Бодрийяр Ж. Фантомы современности. — М.: Алгоритм, 2008.
- [3] Айвазова С. «Второй пол» и женское движение в России. URL: http://www.owl.ru/win/info/we_my/2000_sp/12.htm
- [4] Здравомыслова Е., Темкина А. История и современность: гендерный порядок в России. Сборник статей «Гендер для чайников». — М.: Звенья, 2006.

FORMS OF SEXISM: THE UNEXPECTED TURN OF PRESENT

M.D. Rakhmaninova

The Department of philosophy
The Gorny National University

21st Line, 2, St. Petersburg, Russia, 199106

The article studies the gender identity, its perception and interpretation by men and women in the contemporary society. We started this study in our article “M and F: gender stratification as an instrument of self-preserving of an ideology”. Some other problems of the relative issues are also analysed in the current text — but from definitely different point of view. They include the analysis of how women themselves perceive the fight against sexism, the coordination between male and female concept of sexism — and more.

Key words: gender, sexism, sex, man, woman.